

Жалобы турка

Приоткрытый вопрос о норме перевода

С.В. Бранд

Всё течёт и ничто не остаётся на месте.

Гераклит

Первое, что обычно вспоминают при разговоре об изменениях, происходящих со временем в русском языке, – это рост числа иностранных заимствований в лексике. Акцент часто делается на 1990-х годах, когда в русском языке в широком употреблении действительно появилось невиданное количество иностранных слов. Этот период даже сравнивают с первой половиной XVIII века, когда в результате петровских реформ и европеизации многих сфер экономики и общественной жизни России невероятное множество иностранных терминов заимствовалось или калькировалось.

В последнее время сетования и полемика вокруг иноязычной лексики несколько поутихли. Одни заимствования закрепились в языке и перестали резать слух, другие – выветрились, русский язык за 30 лет не умер, наибольшее количество иностранных слов продолжает появляться уже не повсеместно, а в весьма ограниченных сферах так называемого корпоративного общения, тренингов по личностному росту и т.п.

Процесс активного заимствования¹ лексики перестал кого-либо удивлять так, как раньше.

Новые, неосвоенные иностранные слова в родном языке заметны любому носителю этого языка даже без филологической подготовки. С одной стороны, это приводит к избытию непрофессиональных суждений, к преувеличению вреда иностранных слов, к необдуманным призывам решать лингвистические вопросы административно. С другой стороны, этим же объясняется и то, что общество к данному вопросу в принципе не равнодушно². Лексический состав языка для большого числа его носителей имеет такую же значимость (пусть и не всегда осознаваемую), как состав воздуха на улице или уровень шума под окнами.

Куда менее очевидны процессы, намечающиеся или происходящие в области русского синтаксиса и на уровне це-

¹ О лексических заимствованиях см.: Ланчиков В.К. Семь заблуждений относительно заимствований // Мосты. Журнал переводчиков. 2005. №№ 3, 4.

² Эта тема время от времени обсуждается в крупнотиражной прессе для широкого круга читателей, например: Уроки русского // Аргументы и факты. 2020. № 7. С. 33.

лых текстов. И если синтаксис текстов, изначально написанных по-русски, может подвергаться иноязычным влияниям лишь опосредованно, то синтаксис переводных текстов создается переводчиками в непосредственном контакте с иностранным текстом и совершенно открыт влиянию ИЯ.

В синтаксисе переводных текстов неизбежно в определенной мере появляются черты, отличающие их от оригинальных текстов ПЯ. Во-первых, вследствие более или менее сильно проявляющегося закона интерференции в переводном тексте имеют место с одной стороны калькированные структуры ИЯ, с другой стороны – нарушения типичной для ПЯ частотности (не только в синтаксисе, но и на других уровнях текста). Во-вторых, переводной текст под влиянием ИЯ часто бывает лишен оригинальных средств ПЯ, встречающихся в текстах, изначально написанных на ПЯ. В-третьих, во многих случаях (это особенно заметно в работах начинающих переводчиков и студентов) в переводном тексте за счет в том числе синтаксических средств происходит необоснованный сдвиг стилистического регистра, обычно – в сторону официально-делового стиля. Этим явлениям уже уделяли внимание многие переводоведы, в том числе и на страницах «Мостов»³.

Кстати говоря, студенты-переводчики при предварительном разборе трудностей очередного текста, достаемого им в качестве домашнего задания, обращают внимание прежде всего на трудно-

сти, связанные с лексикой и, максимум, фразеологией. Некоторые обращают внимание на то, что композиция английского текста отличается от композиции русских текстов аналогичного жанра и стиля и предлагают, например, поменять местами абзацы или их части (что во многих случаях бывает оправданно). Но в разговоре о трудностях именно синтаксического уровня они выступают куда менее уверенно и ограничиваются тем, что просто находят в тексте фразы, настораживающие своей длиной и «запутанностью». Нередко оказывается, что причина настороженности не в том, что данное место осознается именно как переводческая трудность, а в том, что просто-напросто недопонял его смысл в оригинале.

Одним словом, переводческие трудности на уровне синтаксиса и сверхфразового единства (далее – СФЕ) недооцениваются. Понимать оригинал и переводить без смысловых искажений для переводчика обязательно, но еще недостаточно. То, насколько удобочитаемым, стилистически совершенным и прозрачным по смыслу будет текст, определяется в первую очередь выбором синтаксических конструкций и умением выстраивать синтаксическую и сверхфразовую структуру. Текст, хорошо организованный синтаксически, намного жизнеспособнее. Если даже в нем есть отдельные неточности и ошибки на уровне лексики и словосочетания, их можно исправить точно (редактору или самому переводчику в ходе саморедактуры), а текст с противоестественным синтаксисом по большому счету требует капитального ремонта даже при отсутствии прочих ошибок.

³ Например: Псурцев Д.В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. Журнал переводчиков. 2019. № 2 (62). С. 46–60; Бузаджи Д.М. Нехорошая болезнь. Диагностика и лечение канцелярита в переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2013. № 3 (39). С. 42–55.

Анализ практики

Преодоление интерференции ИЯ на уровне синтаксиса и СФЕ требует от переводчика кропотливой, вдумчивой работы, принятия сложных и неочевидных решений⁴. То, насколько близок синтаксис перевода окажется синтаксису оригинальных текстов этого стиля и жанра на ПЯ, зависит от ряда различных факторов, таких, как поставленные переводчиком во главу угла критерии адекватности, профессионализм и теоретическая подготовленность переводчика, да и, наконец, срочность работы. Но все или почти все эти существенные факторы напрямую связаны с теми или иными качествами самого переводчика, и степень их воздействия на итоговый текст перевода во многом может и должна быть подчинена его воле.

Кроме того, решения переводчика зависят от существующей на данный момент нормы перевода. По А.Д. Швейцеру, норма перевода, будучи нормой социальной, представляет собой ряд наиболее общих правил, которые определяют выбор стратегии перевода и отражают те требования, которые общество предъявляет к переводчику. Эти правила не заданы раз и навсегда, они изменяются в зависимости от конкретной культуры, эпохи, жанра. Ученый обращает внимание и на то, что перевод воздействует на формирование языковой нормы и играет роль в создании и развитии литературного письменного языка. История литературного языка неразрывно связана с историей перевода в данной стране⁵.

Значительные сдвиги могут происходить в течение двух-трех десятилетий, а конкурирующие варианты нормы могут какое-то время существовать параллельно. На эту интереснейшую тему существуют отдельные исследования переводоведов⁶. В какую сторону сдвигается сегодняшняя норма англо-русского перевода? Какие переводы считает нормальными общество?

Зайдя недавно в несколько книжных магазинов, я открыл наугад новые переводные книги больших и малых издательств. Приведу выборочно несколько фрагментов из этих книг.

«Наша героиня и ее дочь искали счастья на кончике вилки и ножа, а в итоге представляли очень жалкое зрелище. Тем не менее желание матери стать счастливой может оказаться дорогой к освобождению. Конечно, не без усилий. Много листьев салата, пота и времени, проведенного на беговой дорожке, – вот их путь».

«Изменения в курировании искусства заключались не только в обособленном применении новых методов распространения и показа, но также и во влиянии, или даже определении средств презентации, что стало неотъемлемым компонентом самого произведения искусства. Таким образом, создание произведения искусства тесно переплеталось с его медиацией в контексте публичной выставки».

«Но пока – жизнь, будучи порождающей и значимой, а также наделяемой смыслом, все еще оказывается тем, что зажато в ловушке между (голой) материей и значением».

⁴ Подробнее о трудностях перевода на уровне синтаксиса: Бузаджи Д.М. Структуры и связи: о роли синтаксиса в переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2007. №4(16). С. 24–31; 2008. 2(18). С. 21–30.

⁵ Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты. – М. 2012. С. 19–20.

⁶ Например: Ланчиков В.К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки (Первоначальная версия – Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 163–172).

Эти примеры выбраны именно наугад, никакого специального поиска оплошностей не было. В тех книгах, откуда взяты эти цитаты, есть места и гораздо лучше написанные, и звучащие более странно. Попадались и такие книги, в которых экспресс-анализ ничего подозрительного не выявил.

В. Матезиус в статье «О необходимости стабильности литературного языка» ссылается на емкое высказывание Квинтилиана, гласящее, что следует различать две вещи: говорить по-латыни и говорить грамматически правильно. Но во многих современных переводах мы не находим ни естественного русского языка, ни соответствия литературной норме.

В частности, в приведенных выше примерах, с одной стороны, невооруженному глазу заметны необработанные английские структуры, избыток которых на более протяженных участках текста делает их похожими на буквалистские переводы 30-х годов, с другой стороны – черты, типичные для сугубо официально-делового русского языка.

В некоторых случаях несвободное построение русской фразы приводит к смысловой неясности с пародийным эффектом:

«Первый опыт жизни с текущей из крана горячей водой и центральным отоплением просто не оставлял людям времени на переживания по поводу возможных поломок лифта».

Что здесь имеется в виду? То, что в доме есть горячее водоснабжение или что кран неисправен? Конечно, правильный смысл более или менее достраивается по широкому контексту. Но это требует от читателя перевода дополнительных усилий, принуждает возвращаться к

началу абзаца, перечитывать фрагмент текста⁷. И это явно не тот случай, когда хочется раз-другой перечитать страницу у Набокова или повторно пробежать глазами особенно удачный абзац искусного публициста.

Приводить большее количество примеров и подробно разбирать их в рамках этой статьи будет, пожалуй, избыточным. Хотелось бы в первую очередь обрисовать более общую проблему – возможный сдвиг нормы перевода.

Тексты, подобные тем, откуда взяты примеры выше, написаны в целом грамотно, «читабельно» и отчасти увлекательно, в них бывает немало изобретательных лексических решений, но по прочтении нескольких страниц и на более длинной дистанции они производят впечатление текстов не совсем удобочитаемых, не совсем естественно сложенных по-русски, недотрансформирован-

⁷ Требование от читателя дополнительных усилий в истории перевода не новость. Знаменито высказывание Афанасия Фета из его предисловия «Цель и значение перевода античных авторов» к переводам сатир Ювенала: «Самая плохая фотография или шарманка доставляет более возможности познакомиться с Венерой Милосской, Мадонной или Нормой, чем всевозможные словесные описания. То же самое можно сказать и о переводах гениальных произведений. Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением; это высшее счастье и для него и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большую часть читает переводчика, а не автора...». Этот принцип если и применим с большими оговорками в исключительных случаях для перевода произведений, основная функция которых – эстетическая, то при переводе вещей в первую очередь информационных, научно-популярных, слепо подражать форме вдвойне бессмысленно. Но Фет и не говорит о переводе таких вещей, речь идет о гениальных произведениях, в переводе которых общепринятые в наше время трансформации он бы назвал святотатством.

Анализ практики

ных⁸ (по терминологии А.Д. Швейцера). А меж тем многие из них сделаны специалистами в той области, которой посвящены, что заранее повышает доверие к тексту у человека, берущего в руки книгу.

Возникает ощущение, что вслед за установлением в целом более негативного и по крайней мере настороженного отношения к переводам, чем к оригиналам (это констатировал еще В.Н. Комиссаров в начале 1990-х годов⁹), в читательской и издательской среде стало считаться скорее нормальным и чуть ли не желательным, чтобы перевод был написан туманно и неестественно, особым «переводным языком». А если это не считается нормальным и желательным, то почему такие переводы должны выходить в печать? Переводу как будто отводится место не полноправного представителя оригинального текста, не «ближайшего естественного эквивалента сообщения на исходном языке»¹⁰, а всего-навсего многостраничной справки о существовании данной книги на языке оригинала, и чем нескладнее эта справка составлена, тем скорее и охотнее уважаемый читатель выучит английский и прочтет книгу в оригинале, избавив целые коллективы от мук не только переводческих, но и дизайнерских, книгопечатных, переплетных, дистрибьюторских и погрузочно-разгрузочных.

⁸ Бывает и так, что переводчик не боится отступать от формы оригинала, его перевод смело трансформирован и при этом точен по смыслу, далек и от стихийного буквализма, и от излишней стандартизации, но все же читается слегка натужно и слог его подобен ходу надежной, мощной, но плохо смазанной машины. Какие факторы действуют в таких случаях, еще предстоит рассмотреть в рамках лингвистического переводоведения.

⁹ Комиссаров В.Н. «Естественность» художественного перевода. Литература и перевод: проблемы теории. – М. 1992. С. 101–110.

¹⁰ Определение Юджина Найды. Там же. С. 105.

Справедливости ради надо отметить, что массово печатать книги с приятным дизайном в России в последнее время все-таки стали. Но тем более неловко перед читателями. Они покупают приятно оформленную и добротной изданную книгу по интересной теме¹¹, а затем вынуждены с трудом продираться сквозь не очень хорошо написанный переводной текст, качеством сильно уступающий дизайну и полиграфии. Читатель, впервые обратившийся к литературе по данной теме (даже из чистого любопытства), закрывает книгу на середине и теряет интерес к самой теме, которая благодаря хорошему и удобочитаемому переводу могла бы увлечь и стать новым хобби, возможно – новой профессией. Читатель, вынужденный обстоятельствами книгу дочитать (например, добросовестный студент, пишущий по данной теме реферат), с горем пополам одолевает текст, но в его отношении и к иностранному автору книги, и к выбранной теме добавляется ложка дегтя.

На наш взгляд, недостаточное внимание к синтаксису и вообще буквализм в переводе есть следствие легкомысленного отношения к целевой аудитории переводного текста.

Может быть, говорить об изменении или сдвиге нормы перевода еще рано, но о чем можно говорить с уверенностью, так это о мощном разрастании своеобразного «переводческого квазиуза»¹².

¹¹ Особенно много на полках магазинов новых переводных книг по крайне востребованным и модным в последнее десятилетие темам: урбанистика; история искусства, архитектуры, кино и фотографии; социология и история общественных движений; психология, личностный рост и т.д.

¹² Некоторые черты этого «квазиуза» с разбором примеров рассмотрены в яркой и злободневной статье Бузаджи Д.М. С иностранного на неродной. О состоянии переводческой профессии и русского языка // Мосты. Журнал переводчиков. 2015. № 3 (47). С. 16–25

Кто-то возразит, что к существующим переводам надо подходить сугубо дескриптивно, что никакой нормы перевода и раньше не было, и что перевод, который в общем случае читается не как перевод, а как написанный изначально по-русски текст, – это порождение мифической «советской школы», нечто необязательное и вообще устарелое. Однако именно такой способ перевода в отечественном переводоведении имеет внятное, регулярно совершенствуемое теоретическое основание, только он позволяет переводу становиться фактом русского литературного языка и при этом давать представление об индивидуальности иностранного автора и только он приводит речевой акт конкретного перевода в соответствие с закономерностями языковой системы, а потому и может считаться нормой. Но все это не отменяет узуса, который в своем разрастании отстает от условной нормы дальше и дальше. И количество таких текстов огромно. В.И. Ленин однажды писал о необходимости массовидности террора. Вот и этот языковой террор начинает приобретать массовидный характер.

Перечислим вкратце наиболее заметные недостатки этих текстов, идущие в основном от буквализма¹³.

На уровне лексики бросается в глаза то, что прямолинейно и однообразно передаются слова широкой семантики; преобладают эквиваленты, сходные по звучанию с английским словом, но не всегда вполне верные по смыслу и стилю; словарные эквиваленты однозначно предпочитают контекстуальным.

На уровне словосочетаний – дословная передача устойчивой фразеологии,

либо опущение фразеологии, ведущее к «засушиванию» текста; передача нейтральных сочетаний стилистически маркированными (как правило, со сдвигом в сторону официально-делового или разговорного стиля, не обоснованным соображениями компенсации); нарушения русской сочетаемости, добавление ненужных или некорректных предлогов и т.д.

На уровне синтаксиса переводчики оставляют без внимания маркеры актуального членения предложения и дословно воспроизводят английский порядок слов по-русски; английские синтаксические структуры калькируются таким образом, что в переводе теряются семантические тонкости (например, английские инфинитивные конструкции во всех случаях передаются русским придаточным цели, слишком часто появляются неодушевленные подлежащие при глаголах-сказуемых с каузативной функцией, в сложноподчиненных предложениях главное действие оказывается в придаточном предложении, а фоновое – в главном вслед за характерной для английского языка моделью). Сохраняются структуры с дистантным подчинением¹⁴, длинные вставные конструкции никак не трансформируются, что в результате дает слишком длинные и запутанные предложения. Английские перечислительные конструкции копируются без учета расхождений в логике английского и русского перечисления, из-за чего в переводе странным образом смешиваются понятия из разных логических категорий.

¹³ О другой крайности – стандартизации – мы в этой статье мы говорить не будем. Рассмотренные нами переводы в основном слишком буквальны.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Ланчиков В.К. Дистантное подчинение как переводческая проблема // Вестник МГЛУ. 2004. Вып. 488: Перевод и стилистические ресурсы языка. С. 55-67.

Анализ практики

На уровне СФЕ и всего текста часто не хватает общей связности изложения, логических связок, вводных оборотов, пояснений и смысловых отсылок к вышесказанному (последнее часто получается из-за механического опущения без компенсации определенного артикля, выражающего то, что что-то уже упоминалось). Во многих переводах не принят во внимание фактор частотности при выборе частей речи и их разновидностей (в результате – чрезмерное количество причастий, отглагольных существительных, личных местоимений и т.д. и, напротив, недостаток глагольных форм, которые способны оживить текст и сделать повествование более динамичным). Русская частотность синтаксических единиц игнорируется при выборе типов предложений, типов сказуемых, типов придаточных и типов связи между предложениями в СФЕ; в переводах отсутствуют средства русского языка, аналогов которым нет в английском языке, происходит обеднение переводного текста.

Этот список далеко не полный, мы упомянули лишь некоторые, самые заметные явления, характерные для буквалистских переводов (в том числе таких, которые частично или полностью выполнены нейросетями). Все эти вещи регулярно встречаются в «переводческом квазиузусе» и сильно портят впечатление от текста. Студентам и начинающим переводчикам важно научиться избегать перечисленных здесь недочетов уже на этапе черновика, чтобы затем не пришлось перекраивать весь текст.

Ко всему прочему, перечисленные выше ошибки не способствуют полноценной передаче авторского начала.

А ведь читатели переводной прозы обычно высказывают пожелание «видеть лицо автора». Конечно, в этой статье мы говорим не о художественной литературе, а главным образом о разного рода публицистических текстах. Но и в них, если речь идет не о новостных заметках и прогнозах погоды, авторское начало в оригинале бывает вполне ощутимо.

Говоря о недочетах некоторых художественных переводов, основоположник исследований языкового спектра М.Д. Литвинова отмечает: «...нарушение статистических норм употребления не одного, а многих языковых явлений делает текст перевода скучным, обедненным, невыразительным, что мешает эстетическому восприятию читаемого произведения и дает неверное представление о таланте переводимого автора, его стиле...»¹⁵. На наш взгляд, этот критерий оценки качества вполне применим и к переводам нехудожественным. Авторы документальной прозы, журнальные и газетные обозреватели, очеркисты, интервьюируемые персоны – все они в письменной и устной речи действуют как уникальные языковые личности. Зачем же отнимать у каждого автора или оратора его стилистическое своеобразие¹⁶, выдавая всем одинаковый буквалистский паек из вязких придаточных временных, непропеченных вставных конструкций, пересоленный тяжело-весными причастиями, отглагольными существительными?

¹⁵ Литвинова М.Д. Спектр языка – лингвостатистический критерий оценки переводов художественных произведений // Столпотворение. 2010. № 13. С. 131.

¹⁶ В этом случае мы не имеем в виду минимальную правку при расшифровке интервью: удаление слов-паразитов, обрывочных фраз, свойственных неподготовленной речи повторов и т.д. Такая правка почти всегда очень желательна.

Итак, назовем, на наш взгляд основные, факторы, совокупное воздействие которых при дальнейшем нарастании может привести к сдвигу существующей нормы перевода:

- признание определенных, прежде всего синтаксических, недостатков переводного текста его неотъемлемыми и непреодолимыми свойствами;
- низкие требования многих читателей и издателей к качеству письменного текста вообще и переводов в частности;
- относительно малое количество образованных переводчиков-лингвистов и высококвалифицированных редакторов переводов, слабая филологическая (не говоря уже о лингвистической) подготовка лиц, занимающих во многих издательствах и СМИ редакторские должности;
- низкая оплата труда письменных переводчиков и редакторов перевода, заставляющая многих профессионалов заниматься переводами в свободное от другой работы время и на скорую руку;
- возросшее качество машинного перевода, создающее иллюзию возможности полноценно переводить тексты, ограничившись более или менее поверхностной правкой продукта нейросети;
- отсутствие критики перевода.

Если эта тенденция сохранится, язык переводной литературы будет все заметнее и в худшую сторону отличаться от языка лучших оригинальных русских текстов. Симптомы, указывающие на возможное изменение нормы перевода

так не тревожили бы, если бы это изменение не грозило отрицательно сказаться на литературном языке и не давало бы сомнительных и в стиле и иногда по смыслу образцов русской письменной речи.

В уже упомянутой статье В. Матеиус писал:

«Выразительные средства развитого языка должны быть устойчивыми. Недопустимо, чтобы одно и то же слово, одно и то же выражение, одну и ту же форму или одну и ту же конструкцию в одном и том же контексте и в одной и той же функции одни считали правильными, а другие отвергали как языковую небрежность. Язык, нормы которого расшатаны в такой степени, не является отшлифованным. В таком случае это ненадежный инструмент, потому что он способен [...] исказить замысел говорящего или писателя ложными ассоциациями или неблагозвучностью. Следовательно, нужно стремиться к стабильности языковой нормы, и ее нужно соблюдать, если язык уже приблизился к ней или достиг ее в возможных пределах. Настоящим положением определяется одна из задач языковой культуры и вместе с тем необходимость определенной нормы для языковой практики»¹⁷.

Ученый выдвигал идею «гибкой стабильности» литературного языка:

«Невозможно, да этого и не требуется, чтобы все при любых обстоятельствах писали одинаково. Языковое реформаторство, не признающее или не желающее признать данное положение, заранее обречено на провал. Поэтому я подчеркиваю, что стабильность литературного языка должна быть очень гибкой. [...] Языковая культура является прежде всего предметом практического испытания и отбора. Можно спорить о

¹⁷ <https://sci.house/obschaya-lingvistika-scibook/matezius-neobhodimosti-stabilnosti-106444.html>

Анализ практики

принципах подхода к решению данного вопроса, но нельзя создать систему контроля над языком, которая бы функционировала точно и бесперебойно, как автоматический электрический выключатель. Однако мы можем и должны воспитывать у людей чувство заботы о нашем языке и сделать последнее составной частью общего образования нашего народа»¹⁸.

Это было написано почти 100 лет назад в ситуации, когда только что появилось молодое чехословацкое государство и формировался современный чешский литературный язык. И хотя русским языком этот этап давно пройден, слова Матезиуса актуальны и в России начала 2020-х.

Вопрос о качестве перевода идет бок о бок с вопросом ценности информации. Если в обществе укрепляется мнение, что львиная доля текстов и сообщений в СМИ, мягко говоря, не вызывают большого доверия, то зачем, думают иные, предъявлять столь уж высокие требования к качеству перевода на других направлениях? Никто же не умрет и не заболеет, прочитав книгу по истории архитектуры в неважном переводе, а издательству – прямая экономия. Но от низкого качества переводных (да и оригинальных) текстов еще больше снижается доверие к ним, образуется порочный круг.

Иногда у современного читателя, перегруженного обыкновенными для городской жизни потоками информации, попросту нет времени внимательно вчитываться в газету, новости на экране гаджета и даже книгу. Текст прочитывается по диагонали, уловить важно только общий смысл. В вопросах стиля в таких условиях читатель не особенно

разборчив. А трудные места, требующие перепроверки фактов, серьезных трансформаций и т.д., или такие, с которыми совсем уж не справился «Гугл-транслейт», иной переводчик или редактор вообще уберет... Зачем при ставке в 200–300 рублей за страницу перенапрягаться, если достаточно передать общий смысл и если девяти из десяти читателей в общем-то все равно?

Но действительно ли читателям все равно? Для уверенного ответа на этот вопрос мы планируем провести опрос статистически значимого количества респондентов из различных социальных групп.

Идея провести масштабный опрос пришла, когда эта статья уже была почти написана. Поэтому на данный момент был проведен беглый опрос в социальных сетях. Пользователи ответили на два вопроса:

1) Что нежелательно в письменном переводе? Или: какие свойства переводного текста могут помешать лично вам этот текст дочитать?

2) Какими конкретными свойствами должен обладать нормальный, точный, адекватный перевод?

Итог опроса – 25 развернутых ответов. Респонденты в основном гуманитарных профессий, разных возрастов, читающие много переводной литературы. Некоторые из них занимаются переводами.

15 ответов из 25 можно объединить в группу «за естественный и доходчивый русский язык, против буквализма». Главными признаками плохого перевода в этой группе названы следующие вещи: «сквозь русский текст проступает форма оригинала» (6 ответов совпали почти дословно), «текст читается как перевод»

¹⁸ Там же.

(2 ответа), «плохой русский язык» (3 ответа), «изобилие англицизмов, пересложненный синтаксис», «чтобы понять предложение, его надо перечитывать» и т.д.

В 4 ответах из 25 главным признаком плохого перевода названо недопонимание переводчиком содержания оригинала. В некоторых ответах первой группы эта мысль тоже фигурирует, но не акцентируется («само собой, важна точность в терминологии, обозначении реалий», «мешают явные ошибки, избежать которых при наличии интернета было бы делом одной минуты»).

В 1 ответе было сформулировано, что «в переводе не должен проглядывать советский переводчик».

В еще 1 ответе главным недостатком перевода (с оговоркой, что это сугубо субъективно) названа русификация имен собственных.

В остальных четырех ответах высказывались пожелания очень обобщенного характера («нужна структурность, прозрачность», «оригинальный текст лучше не исправлять»), либо слишком частные моменты (нужно унифицировать имена собственные, снабжать текст при необходимости примечаниями переводчика и т.п.).

Разумеется, количество респондентов слишком мало, чтобы делать какие-либо обобщения и выводы. Но все же примем к сведению результат этого эмпирического наблюдения (пусть и малозначимого), заключающийся в том, что за буквальное следование оригиналу и против умело трансформированного перевода прямо не высказался никто из опрошенных. Такой расклад позволяет смотреть на перспективы перевода в России с умеренным оптимизмом.

Какими станут переводы в будущем, какие критерии качества окажутся во главе угла, будет ли достаточным спрос на добротню переведенную литературу, удастся ли оздоровить ситуацию в образовании переводчиков и на рынке труда, придется ли всем читателям и русскоязычным воплощениям англоязычных авторов переезжать из удобных светлых бумажных и цифровых «квартир» в наскоро слепленные ЖК экономкласса, – покажет время. Но и мы не должны отказываться от ответственности за сами переводы и за обстановку, складывающуюся вокруг них. Хотелось бы верить, что действия переводчиков, педагогов, издателей и редакторов – один из существенных факторов, способных препятствовать нарастающей в сфере языка энтропии.